

Многие останавливались на подъёме листа не теряя контроля над процессом взлёта и посадки, но я продвинулся в этом упражнении на пару шагов дальше, поставив себя в разные ситуации, каждая из которых по-своему отвлекала внимание.

Найти ветреное место в деревне было легко, но тренироваться, сидя там и пытаясь удержать своей чакрой кружащийся лист, парящий над моей головой, оказалось сложнее, чем я думал.

Разочарование, усталость и, в конечном счёте, раздражение. Меня не пощадило ни одно из этих чувств, поскольку я продолжал стараться изо всех сил обострять свои чувства, отслеживая один лист, прежде чем прикрепить к нему частичку своей чакры, чтобы удержать его от следования за мощностью ветра.

Ветер с самого начала был моей стихией, поэтому я ожидал, что это будет самая лёгкая из трудных задач, которые я поставил перед собой.

И всё же я был вынужден принимать этот вызов в течение целого месяца, прежде чем в достаточной степени справился с ним.

После трёх успешных попыток я решил переключиться на другое упражнение, чтобы не слишком увлекаться и без того разочаровывающей практикой.

Таким образом, я углубился в сложности лазания по деревьям, не используя свои руки.

С учётом того, насколько отточенным был мой контроль в тот момент, когда я начал этот новый сегмент тренировки, упражнение оказалось «легче», чем я предполагал. Настоящая проблема, с которой я столкнулся, когда начал практиковать этот тренинг, основанный на контроле, заключалась в необходимости уделять некоторое внимание своим манипуляциям с чакрой, пока я оставался на новой для меня поверхности.

Поскольку я знал, что в конечном итоге мне нужно будет сохранять концентрацию во время боя, я решил делать это как можно медленнее, пока не привыкну к этому чувству.

Пролетели две недели, и я смог свести отвлекающую потребность к минимуму. И всё это благодаря кучке сопляков, принявших на себя «простую, но забавную» задачу забрасывать меня наполненными водой воздушными шарами, пока я продолжал заниматься.

Самое забавное было объяснить маме, почему я каждый раз, когда возвращался домой, был весь в воде.

Было менее забавно, когда продавец, специализирующийся на такого рода продуктах, менял воду в крошечных снарядах на самую холодную из доступных.

Конечно, это довольно пугающая идея, но с её помощью я стал обучаться куда быстрее.

В итоге по мне стали реже попадать, результат был по сути безупречным, и я решил не пробовать свои силы на следующем этапе, практике ходьбы по воде, поскольку я был не в настроении промокать ещё больше в настоящее время.

Нет, следующие полтора месяца были потрачены впустую на быстрое освоение одного из немногих Ниндзюцу, которое в конечном итоге привлекло моё внимание как хорошее дополнение к моему текущему арсеналу.

Что-то не слишком оскорбительное, но достаточно хорошее, чтобы оправдать мой величайший интерес, чтобы я уделил этому столько времени на изучение.

Но когда я начал искать кого-нибудь, кто хотел бы помочь мне с такого рода способностями, я также узнал, что кто-то, о ком я знал и кого хотел попросить о помощи, также тренировался так же интенсивно, как и я.

Я не знаю, почему Хирузен внезапно был занят дополнительными тренировками как у своего сэнсэя, так и у своего отца, но у меня было неоспоримое подозрение, что это вновь было плодом какого-то раздражающего плана как Мадары, так и Тобирамы.

Кагами всё ещё был готов помочь, когда я, наконец, обратился к нему, но ему сразу же сильно не понравилось его правило во время тренировки, поскольку он подвергся довольно унижительному обращению, когда я применил технику против него.

Он не был зол, но он ужасно раздражался и ныл каждый раз, когда его использовали в качестве тренировочного манекена для этого вида Ниндзюцу.

Прошло время, и я также добавил несколько интенсивных занятий Тайдзюцу и Гендзюцу к тренировкам Ниндзюцу. Часть меня знала, что должно произойти что-то большое, и что мы с Хирузеном будем центральной темой всего этого.

Мадара молчал обо всём этом, и я не был уверен, что, спросив его напрямую, получил бы от него какой-либо положительный ответ.

Затем у меня возникли некоторые проблемы с разговором с Хирузеном, пока мы оба были в Академии, так как брюнет быстро отвергал любые попытки заговорить с ним. Даже отправка Кагами выведать кое-какую информацию у молодого Сарутоби не привела ни к чему, кроме молчания.

Был ли он зол? Это обстоятельство было наиболее правдоподобным, и всё же я не чувствовал никакого разочарования, направленного на меня со стороны мальчика. Плюс, я мог бы сказать, был ли у Хирузена на меня какой-то зуб... тем более, что мне пришлось бы сильно пренебречь им, чтобы добиться от него такой реакции.

Так что же именно с ним случилось?

Этот вопрос продолжал терзать мой мозг во время нескольких пауз, которые я получал во время тренировки. Я мало что мог понять из того, как мало у меня было зацепок по этому вопросу, и хотя я планировал выяснить у Хокаге или Мито, знают ли они что-нибудь о том, что происходит, я решил не беспокоить их по этому поводу.

Я не был Наруто, и у меня не было никаких семейных отношений с Хаширамой, к которому можно было бы обратиться за советом в подобной ситуации. Поэтому я терпеливо ждал, продолжая в то же время совершенствоваться.

<http://tl.rulate.ru/book/82865/2689918>